

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ И ИХ НАСЛЕДИЕ

А.К. Салмин

ПОЛЕВЫЕ ИСТОЧНИКИ В АРХИВЕ ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Целью проекта¹ является проведение изысканий, подготовка к печати и публикация первоисточников по традиционной (народной) культуре чувашей из фондов научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН). Актуальность публикации продиктована отсутствием аналогичной работы и необходимостью обеспечения научных, архивных и музейных работников наиболее репрезентативными первоисточниками о чувашах. Острую потребность в этом испытывают исследователи, проживающие вне г. Чебоксары.

Основной фонд репрезентативных рукописей по традиционной культуре чувашей — этнографии, языку и культуре — сосредоточен в Чебоксарах, а самым богатым из чебоксарских архивохранилищ как по объему, так и по содержательности по праву считается научный архив ЧГИГН. Чтобы оценка была более объективной, обратимся к рукописному наследию известного всей европейской науке исследователя В.Н. Андерсона. В 1913 г., будучи в Сан-Марино,

¹ Настоящая статья написана в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Название проекта — «Тексты традиционной культуры чувашей (материалы научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук)».

в письме к академику С.Ф. Ольденбургу он писал об обнаружении им в Казани драгоценнейших рукописей, собранных Н.В. Никольским лично и через своих учеников и студентов. «К каталогизации этих материалов я уже приступил», — сообщал В.Н. Андерсон С.Ф. Ольденбургу [СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. № 9]. В течение всей своей жизни В.Н. Андерсон интересовался этим фондом и активно использовал его. В 1914 г. он опубликовал три рецензии на рукописи Н.В. Никольского: одну — в Италии и две — в Германии [Anderson 1914; 1914a; 1914b], а также извлечения из текстов [Андерсон 1914]. Приведу выдержки из отзыва В.Н. Андерсона, написанного им в 1925 г. в Дерпте и хранящегося в архиве РАН: «Собрание Н.В. Никольского представляет собою ни больше, ни меньше, как благоустроенный научный архив, содержащий огромные массы ценнейших научных материалов, относящихся к фольклору, этнографии и истории чувашского народа» [СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. № 9].

Все материалы научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук подразделены на 10 отделов: 1) общий, куда входят личные архивы известных ученых и собирателей материала по культуре и истории чувашей; 2) история; 3) этнография и фольклор; 4) языкознание; 5) художественная литература и литературоведение; 6) музыка и музыкознание; 7) экономика; 8) иллюстрации, карты и фотокопии; 9) искусство и быт; 10) отдел редких книг и журналов. Всего в 10 отделах насчитывается 14 тыс. томов. Следуя плохой традиции, архивные тома подшиваются по несколько сотен листов (по 300, 400, 500), в связи с чем количество инвентарных номеров резко возрастает. Примерно две тысячи томов еще не обработаны, т.е. не зарегистрированы в книге учета поступивших материалов.

Публикация не повторяет путеводителя по фонду Н.В. Никольского, составленного Г.А. Александровым [Александров 2005]. Если путеводитель Г.А. Александрова можно назвать предметным указателем отдельно взятого фонда, то Тексты содержат сведения о названиях единиц хранения в порядке их нумерации. К тому же, в путеводитель Г.А. Александрова не вошел фонд члена-корреспондента АН СССР Н.И. Ашмарина, а также другие единицы хранения.

Основной массив текстов — на чувашском языке. Исследования представлены на русском и чувашском языках.

Трудность составления Текстов состояла в том, что большинство дел на переплете или обложке не имеет единообразных надписей. Иногда указано только название одного инвентарного номера, и все дело получило название по этому номеру, или не учтены некоторые малообъемные, но значительные по содержанию рукописи, или указано «История», но в деле имеются источники и по этнографии, и по фольклору. Поэтому приходится констатировать, что названия архивных дел во многих случаях не отражают содержания хранящихся текстов. Кроме того, в большинстве случаев приходилось определять хронологию

гические рамки дел, знакомясь непосредственно с рукописями. Самый ранний материал, который получил отражение в архиве, относится к 1551 г. (конспекты Н.В. Никольского).

Весьма ценно то, что подавляющее большинство впервые публикуемых текстов зафиксировано священниками, их учениками и окружением. И в этом нет ничего удивительного. Ибо начиная с XVIII в. вплоть до установления в Чувашии советской власти грамотными людьми в основном были священники, одновременно работавшие и учителями в начальных училищах. В этом плане яркий пример — биография Даниила Филимонова (1855–1938), оставившего нам свои рукописи и публикации о старинных обрядах и верованиях чувашей. Большинство из них он записал от своей матери. Д.Ф. Филимонов также зафиксировал свои воспоминания о традиционном быте народа (которые писал уже в преклонном возрасте, будучи архиепископом Чебоксарским). Он выражал сожаление, что ушли в прошлое многие добрые традиции, а им на смену пришли водка, табак и сквернословие [ЧГИГН 72: 42–95].

Тексты составлены автором этих строк исключительно *de visu*. В каталоге отражены фонд, опись, № дела, содержание рукописи, год фиксации источника, количество листов в деле. Иногда дата фиксации рукописи определена автором, в таких случаях год указывается в квадратных скобках. Если название дела слишком длинное, указано только начало, а вместо продолжения ставится многоточие. Все приводимые выписки, аннотации, краткое содержание и примечания даются сразу после описания единицы хранения. Публикуемые тексты сопровождаются паспортными данными (когда, где, от кого, кем записано). Зафиксированные паспортные данные помещены в начале каждого отдельно взятого текста.

Отбор текстов и принцип их сокращения проводился в соответствии с их научной значимостью. В некоторых случаях я счел нужным дать тексты почти полностью. Выписки во всех случаях являются точными копиями оригиналов. Сохранены все диалектные особенности речи. Например, отсутствие в низовом диалекте, в отличие от литературной нормы, мягкого знака в окончаниях глаголов: *пулат, каят* вместо *пулать «будет», каять «пойдет»*; или *сыкса* вместо *сыкса «повязав»*. Сохранены местный лексический фонд, а также стилистические особенности повествователя. Например, повторы фраз: *Якку минтер сине саламатпа минтер сине хёреслё сапат те, ун сине ларат*. Только в исключительных случаях явные орфографические ошибки и особенности приведены в соответствие с правилами современного русского языка (например, «заблаговременно», «не вступать» вместо «за благовременно», «невступать», *ю* вместо *йу* в старой орфографии). В архивных источниках часто встречаются случаи, когда записавший текст допускает искажения в правописании слов. Это происходило не потому, что так произносил информант и так считал нужным записавший, а в силу недостаточной грамотности автора записи тек-

ста. Такие примеры при публикации во многих случаях исправлены без комментариев. Например, пишем *пйтти* вместо *пйти* в оригинале. Ошибка явная, тем более что искажается смысл текста: иначе вместо *пйтти* («его каша») получим *пйти* («его гвоздь»). В случае пропуска буквы недостающий знак дается в квадратных скобках. Например: *с́махсемп[e]*, где автор рукописи допустил механическую ошибку при использовании падежного аффикса *-на (-ne)*. Правильность использования падежного окончания информантом проверяется наличием правильной формы в тексте. При подготовке к изданию были внесены исправления в пунктуацию и орфографию. Например, окончания слов, написанные в соответствии с нормами старой орфографии, заменены на современные («левые руки» вместо «левья руки», «ее» вместо «ея»). Названия божеств и духов даются с прописной буквы. В выписках листы указываются в круглых скобках. Во многих случаях информанты использовали обе стороны архивных листов, а пагинацию вели на каждой стороне последовательно. Поэтому в настоящей публикации они обозначены как страницы, а не как листы оборотные, как это принято в крупных архивохранилищах.

При подготовке текстов к печати трудности возникали на каждом этапе. Например, при наборе компьютерная программа автоматически исправляет чувашские слова на русские, близкие в графическом плане. Такая «неумышленная» правка не всегда сразу заметна (*туллиш* вместо *тулли*, *МУР* вместо *мур*, *тура* вместо *турра*, *тури* вместо *турри*, *манн* вместо *ман*, *манна* вместо *мана*, *АПИ* вместо *ати*, *поохать* вместо *похать*, *хоол* вместо *хол*, *кури* вместо *ури*, *умнее* вместо *умне*, *касс* вместо *кас*, *кассиш* вместо *касси*, *амии* вместо *ами* и т.д.).

Автор статьи в 1986–2004 г. выявил опубликованные в Словаре Н.И. Ашмарина фрагменты текстов из научного архива ЧГИГН. Полагаем, что эта информация будет полезна для исследования наследия Н.И. Ашмарина, в частности, за счет некоторых уточнений Словаря Н.И. Ашмарина. Так, в XIII выпуске на с. 314 пример для иллюстрации слова *Техём* дается со знаком *N*, т.е. год, место записи и информант не известны. По архивному источнику выясняется, что текст записан в 1903 г. Туктием Исаевым (вероятно, в Тетюшском уезде, т.к. данный автор присылал свои записи оттуда). Также в архиве можно обнаружить слова, не зафиксированные в Словаре Н.И. Ашмарина. Например, в словаре отсутствует слово *сухём* «тень, прохлады», но представлен вариант *сухъм*. Не оказалось в Словаре Н.И. Ашмарина слов *актък* [ЧГИГН 208: 112], *шъкля* «шест для хмеля» [ЧГИГН 154: 369], *акапёр* «сосеятьель» (человек, с которым вместе сеяли) [ЧГИГН 150: 147], *ёнлёнетпёр* [ЧГИГН 151: 91], *сәнэхта*, *кусик*, *песлепех* в значении «совсем» [ЧГИГН 150: 466] (например, «совсем пьяный»), а также словосочетаний *вартан пур* [ЧГИГН 204: 161], *майса парах*, *шърчэ-тренё* [ЧГИГН 150: 149]. Не встречается в словаре и слово *картар*. В архивной рукописи оно встречается в контексте моления на *киреметице*: *Хамър айванлăхне пуç çапса картарма килтём* [ЧГИГН 31: 26]. Текст

был записан в 1881 г. в Буинском уезде Симбирской губернии. Предложение в целом можно перевести следующим образом: «Свою наивность земным поклоном загладить (исправить) пришел». В архивном тексте имеется словосочетание *телет-сăмат* в значении «бережливость, урожайность» [ЧГИГН 151: 253], которое также не вошло в Словарь Н.И. Ашмарина.

Также в словаре выявлен ряд искажений при публикации архивных источников. Так, в тексте «*Куйкăрайш*» напечатано *пултрат* вместо *пуйтарат*, а также *пураймаст*, *сѳмест* вместо *пураймаст*, *сѳмест* [ЧГИГН 31: 34–36; Ашмарин VI: 255–256]. Поэтому в отдельных случаях я счел нужным включить такие пассажи в публикуемые тексты.

В архивных текстах имеются замечательные приемы словообразования, редко используемые на практике. Приведу удивительный пример: *Сав улах вăхăтĕнче вара тĕрлĕ сѳмĕссем, тĕрлĕ-тĕрлĕ пахча сѳмĕссем те илсе пыраççĕ, тата сăра та, купăс та илсе пыраççĕ, унта вара таишупа юрлу та пулатъ* [ЧГИГН 151: 282]. Предложение записано в 1905 г. в Тетюшском уезде Казанской губернии. Здесь путем прибавления суффиксов *-лу* от существительных *таиш* «пляска» и *юрă* «песня» были образованы новые слова. По аналогии при помощи аффикса *-лү* можно образовать другое слово — *ĕс + лү*. В первом случае речь идет о существительных, во втором случае слова имеют семантику процесса, действия. К сожалению, в Словаре Н.И. Ашмарина этих слов не оказалось. Как видим, архивные тексты значительно точнее и полнее Словаря Н.И. Ашмарина. И в этом нет ничего удивительного. Ведь словарь, несмотря на обширность и полезность, — это всего лишь выписки из архива ЧГИГН. К тому же при подготовке к печати, тем более при ручном типографском наборе были допущены механические ошибки.

При сокращении текстов в пределах одной страницы или листа ставится многоточие. А в тех случаях, когда пропускается фрагмент текста между страницами, многоточие не ставится. Делалось это в целях экономии места.

Тексты сказок в данную книгу не войдут. В 1986–1992 гг. мною впервые была подготовлена рукопись чувашских сказок о богатырях объемом 25 п.л. на языке оригинала. В настоящее время этот свод готовится к печати Чувашским государственным институтом гуманитарных наук.

Хочется надеяться, что публикация Текстов во многом облегчит труд исследователей по поиску первоисточников: они смогут, не выезжая на место, изучать нужные архивные источники. Например, имея под рукой публикуемые Тексты, исследователь может определить, содержится ли здесь интересующий его материал и в каком томе он находится. В случае публикации статьи в электронном варианте нужные исследователю слова (в том числе и диалектные) можно будет выявлять в режиме «Найти». Тексты помогут познакомиться с корнями традиционной жизни и культуры одного из многочисленных народов России.

Примечания составителя, помещенные в тексте, даются в квадратных скобках. В квадратные скобки берутся также места с плохим почерком, не поддающиеся однозначному прочтению.

ОБРАЗЦЫ ТЕКСТОВ

Похороны

Записано в 1902 [?] г. в д. Средние Алгаши Буинского уезда Симбирской губернии от двух некрещеных чувашей В. Димитриевым. [Здесь страницы оригинала в архивное дело сшиты неправильно: сначала должны быть с. 24–25, затем — с. 22–23].

Как только умрет человек, то, если он взрослый, возьмут живую курицу, удуют ее, сделают ею над покойником круг и выкинут на улицу, а если маленький или очень бедный, так что нет в доме и курицы, это продельвают посредством яйца. Делается это для того, чтобы показать, что душа отделилась от тела...

Скоро собираются и родственники и трое из них — если покойник мужчина, то одна женщина и два мужика, а если женщина, то две женщины и один мужик, — отправляются на речку за водой. Один берет косырь, другой — котелок или чугунок, третий — челяк с чашкой. Воду черпают по течению *түртён, шыва май*, это потому что человек теперь стал другой. Эта вода несколько нагревается. Затем начинают мыть покойника. Сначала льет на покойника тот, кому покойник завещал, а потом все присутствующие по порядку. Детей моют всегда сами родители, а взрослых тот, кому покойник завещает, причем мужчин моют мужчины, а женщин — женщины. Моют всегда на полу, на соломе, подложив куска три луба. Рубашку снимают с покойника через ноги, это опять потому, что человек теперь не тот. Вообще все продельвается не как с живым человеком, а наоборот. Моют левой рукой двое с двух сторон, а третий подает им воды, причем левые руки завертывают холстом, чтобы не пристало нечистоты...

Потом посадят человека, почешут ему голову, а женщине заплетают косу, наденут кафтан или поддевку, на голову — шапку, подбородок подвяжут, ноги связывают вместе. И везде, где приходится завязывать, завязывают кривым узлом *вилё тевё, сулахай*...

Две девочки в это время идут на речку полоскать белье, в котором умер покойник. Несут на палке и полощут не руками, а палкой, и кладется у ворот. После этого белье бросается на кладбище в канаву.

После этих предварительных церемоний идут рыть могилу... В Средних Алгашах первый на настоящем кладбище похоронен Ахмат, у него и просят теперь места. Первая лопата земли вырывается клином и кладется отдельно, первым начинает рыть тот, кому завещал. Когда могила готова, то везут покой-

ника на кладбище, хоронят всегда в тот же или другой день, долго держать не любят. Перед тем как везти покойника на кладбище, в ноздри и на глаза покойнику кладут шелку, в рот — сербряную моне[24]ту и нухрат; если мужчина, то в карман кладут в кисете копейку или две денег, кочедык, а раньше клали и трубку, если он курил, если женщина — за пазуху кладут кусочек холста, иголку с ниткой. Такое снабжение предметами их обихода объясняется тем, что, по представлению чуваш, за гробом человек будет продолжать настоящую жизнь со всеми ее перипетиями. Потому же на кладбище бросают и гребешок, и чашку с ложкой и т.п. Выносят покойника из избы всегда ногами вперед на трех лыках. Гроб у чувашей язычников не сколачивается, дна не бывает. Везут покойника на кошме, на двух лошадях гусем. Возжами служит кусок холста, после погребения этот холст делится между участниками погребения. Один садится на переднюю лошадь верхом, две бабы садятся с двух сторон на экипажи.

Эти бабы у ворот *сасă кăларасçĕ*, т.е. говорят нараспев: «Благослови своих детей, дом и скотину».

В Средних Алгашах покойника везут в лежачем положении, а в Самарской губернии — в сидячем, в объятии двух женщин. На улице в это время не бывает никого, а если кто-нибудь попадетсся навстречу, то сбрасывают из-под себя солому. У кладбища опять происходит причитывание — *сасă кăларасçĕ*. Приготовленные доски спускают в могилу и устраивают гроб, на дно кладут льну [лыко? луб?], затем спускают покойника, в гробу все развязывается. С правой стороны под голову кладут комок земли с первой лопаты (*сăван тăпри*), закрывают гроб крышкой, зарывают землей. Потом на могиле ставится дощечка [чѣре калак], на ней свечка и перед ней бросают кусочки печенья (*хывасçĕ*), пожелав покойнику царства небесного. Солому с телеги или с саней жгут на могиле и обходят вокруг огня три раза, впереди идет тот, который первый начал рыть. После на могиле ставится бревешко и наваливается большой камень. Палка, которая употреблялась при измерении досок для гроба, и лыко, которым вносили покойника, оставляются на могиле, а белье, в котором умер человек, чашка с ложкой, гребешок бросаются в канаву.

Затем возвращаются домой, назад не оглядываются — *тытатъ*.

Экипаж, сбрую, лопатки на три дня оставляют на улице. Потом идут в баню, а в Средних Алгашах только моют на дворе руки, утираются особыми полотенцами, которые и бросаются потом куда-нибудь. После бани или простого мытья рук происходит первое поминовение блинами или лепешками. За столом всем присутствующим раздают понемногу холста, по три конца ниток. И затем расходятся. В прежнее время на похоронах выпивки не полагалось [NB!], а теперь все покупают вина и напиваются изрядно.

На третий день бывают маленькие поминки. Для этого режут богатые овцу, а бедные — курицу; потроху, голову и ноги от зарезанного животного бросают в канаву кладбища. В эту канаву бросается [25] всякая дрянь...

Поминки

До настоящих поминок накануне каждой пятницы поминают покойника и *сас калараççё*. Поминать покойника заставляет некрещеных чуваш не религиозное чувство и не добрая память, а страх [NB!], потому что чувашаи верят, что покойники имеют возможность вредить живым, *тытать*, потому надо их сдобривать. *Ёмзи* при несчастиях большею частью указывают на покойников, *çав тытать*, и чувашин проклинаят да поминает. Поминки справляются главным образом в октябре в полнолуние, но случается иногда и [на] Масленицу, и на Пасху. Над маленькими поминки бывают на третий же день и очень скромно; описываемые поминки совершаются [для] взрослых. На поминки съезжаются все родственники. Все они привозят вина, куриц, блинов, лепешек. Накануне на улице устраивается из дерева подобие человека. Кладут на телегу или сани на кошме и покрывают одежей. Этот чурбан представляет поминаемого покойника. У некоторых с вечера, у других утром вносят его на лыках в избу и кладут на перину, на него кладут рубашку и кальсоны, сверху кафтан, на голову шапку, женщине платок или *сурбан*. Над [!] головой [горизонтально лежащему] чурбана ставят свечку, у головы ставят чилиак с чашкой, тот самый чилиак, с которым ходили за водой для мытья покойника, и тут поминают *хываççё*. Затем режут богатые лошадь, победнее — жеребенка или корову. Резать принимаются опять с причитыванием; режет всегда на улице тот, кому завещано. Это мясо варится в большом котле, в котором варят пиво. Надо заметить, что лошадь или корова съедается на поминках вся. Когда варится мясо, родственники угощают друг друга своими приношениями. Когда мясо сварится, едут на нескольких подводах с колокольчиками с погремущками на кладбище. Чурбан с подобием человека везут на двух или даже трех [запряженных лошадях]. Там чурбан ставят над головой покойника. На чурбан ставят свечку и тут поминают. Потом руки моют, утиральники бросают тут же. Затем зажигают на могиле солому и обходят вокруг огня три раза со скрипкой с пением и хлопают в ладоши. После этого возвращаются домой, назад опять не оглядываются. На дворе снова моют руки. В избе они становятся у дверей, и хозяин подносит им по чашке пива. Затем на стол ставится чашка, в чашку кладется [22] каравай хлеба, на хлебе — *чигит* и чашка с пивом. На *чигит* кладут длинную самодельную свечку, один конец которой скручен в колесо, а другой приподнят и зажжен, около этой свечки ставят родственники свои свечки. Эта свеча горит всю ночь. Затем все поминают.

Это самое большое поминовение, каждый бросает в особый чилиак кусок блина или лепешки, мясо, яйца и льет немного пива, говоря: «Пехил ту, пире ан асән, эпир сана асәнатпәр, т.е. ты нас благослови, будь доволен, нас не беспокой, мы тебя поминаем».

Потом начинается настоящая попойка и продолжается до самого утра, никто не спит: пьют, едят, пьют, пляшут. Для поминок существует особый

напев песен. В полночь еще раз поминают; после этого один обходит с ведром пива и разносит каждому, а они бросают копейки. Как рассветает, чурбан выносят на улицу; берется соломы [!], чашку с караваем хлеба, *чигитом* и остатком свечки, половину петуха, блинов, лепешек, пива в ведре и вина. К чурбану ставят свечку, означаемую чашку и поминают последний раз. Затем зажигают солому [!] и обходят вокруг огня и чурбана три раза с музыкой, с песнями, хлопаньем в ладоши, пляской. Потом вся эта компания отправляется в гости к одному из родни, а от него к другому, третьему и т.д. На третий день после поминок опять собирается родня к хозяину *пёр сёре хутийантарма*. Суть этого обряда заключается в том, что тут просят прежде умерших родственников принять новичка в свое общество, руководить им и помогать ему.

Примечание 1. *Сасй кълараçсё*: 1) После мытья, как вынесут на двор, у ворот, в середине дороги, у кладбища, над могилой.

Примечание 2. Когда одни режут скотину, другие устраивают столик, скамейку и *чердак* — домик своеобразный. Скрипач едет на *чердаке* и играет на скрипке. Скамейка и столик оставляются на кладбище, тут устраивают мостик, один садится за столик и поминает, а потом пляшет на мосту. Смешного тут очень много, не смеются, боятся топтать. [23]

*Письмо священника В.[Д.] Дмитриева
[из с. Новые Алгаши Буинского уезда Симбирской губернии]
священнику К.П. Прокопьеву от 24.VII.1901 г.*

1. Родство... Так, можно жениться на свояченице, на племяннице своей жены, на жене умершего брата.

Как говорят они:

— *Май юрать, хирёс юрамаст.*

...При упомянутых браках дети от первой жены зовут мачеху не *анне*, а *акка*... Такое явление наблюдается только среди некрещеных. Брак в близком родстве допускают они потому, что де родственница лучше будет относиться к сиротам. В старинное время родство соблюдалось очень строго, из своего *ратне* совсем не брали... [559]

2. Возраст. Определенного возраста для вступления в брак у них не существует. В прежнее время у них женились очень рано, [в] 9–10 лет. Но так рано женились тогда и православные. Такие ранние браки были... в духовном со словии. Так, дедушка вашего диакона Руссановского будто женился 14 лет, конечно, ... и венчаны.

Наверное, ты слышал рассказы из былых времен: *Кёлете арәмё упайшине сёклезе тухаччё*, — *тет*. Или нечто вроде анекдота, как один жаловался родителям: *Унна сывърма тухмастән, пёрма[й] хыл... та хыл... тет*. Выходит, он был так молод, что не знал даже значения этого слова. Впрочем, некрещеные и сейчас женятся гораздо моложе православных. Так, в прошлом году один, сын

Исливана — рядом со школой, женился в 14 лет, сын Ишмета — в 15 лет. Оба бывшие ученики. Сын Исливана женился на здоровенной 25-летней девушке. Главное, у обоих через год дети. Я поднимал этот вопрос пред Вас. Николаевичем и Клим. Макаровичем, и они отрицают, чтобы эти дети были от них. А, по моему, дело возможное.

Женят в таких случаях почти насильно... Предельного возраста не существует, но пожилые, лет 60, уже не женятся.

3. Число браков у них не ограничено, но в настоящее время женатых более 3 раз нет, хотя [560] и говорят, что можно жениться и 10 раз...

Двоеженец теперь только один — Туймет. Мотивом двоеженства всегда служит или полное бездетство, или же отсутствие сыновей. Женятся на другой при живой жене только с согласия первой. Татары женятся на другой совершенно по другой причине, и старая жена у них не играет никакой роли. А у чувашей не то. Дети от второй жены считаются законными и пользуются всеми теми правами, какими пользуются дети и от первой жены. [565]

Развод. У наших чуваш в таких случаях не бывает никаких формальностей и церемоний. Потому что разводы у них не позволяют и происходят как зло. Если в Уфимской губернии существует нечто вроде формального развода, то тут надо усматривать влияние татар. Бывают случаи, когда муж и жена живут очень скверно, муж то и дело обижает жену или один из супругов очень плохой, но не разводятся. Это потому, что развод не одобряется чувашским этикетом и понимается как нечто безнравственное. [566]

Свадьба. *Инке салми* варят в молоке из пшеничной или полбенной муки. К этому времени жених и невеста становятся рядом около печки. Один парень берет на вилку [562] три *салмы* и подносит сначала каждому по одной, а третью [неразборчиво] вместе. Собственно этой *салмы* не едят, а бросают. *Салма* подносится для того, чтобы *Çăкăр-тăвар пĕрле ёçсе-çимелле пултăр, пĕр варлă пура́нмалла пултăр*.

Парень этот с *салмой* вместе с какой-нибудь женщиной пляшет и припекает:

— *Инке, салма çиетне.*

Когда поднесет последнюю *салму*, тогда срывает с невесты *пўркенчĕк* и бежит с ним в амбар и там прячет его в муку. Оттуда несут в пригоршнях муки и ссыпают на молодых. В это время они стоят под кошмой, и он[а] в мужиной шапке.

Затем идут за водою. Сначала два раза черпает провожатая, молодушка проливает. «Я, де, и сама могу», — и черпает сама. Дома она этой воды подносит всем присутствующим. Те кладут ей в чашку денег. Подношение воды показывает, что она породнилась с новыми людьми. [563]

Источник: Ед. хр. № 21: Ашмарин Н.И. Археология. Этнография. Фольклор. 1895–1943 г. 611 с.

Записано в 1904 г. в [д. Сесмеры] Ядринского уезда
Казанской губернии Н.В. Никольским
Воинская повинность

За ½ года объявляют по деревням *ят тохнӑ*. Это делается на сходах в отдельных обществах. Присутствуют: вол. стар., писарь или помощ., староста, сот., десятские, избранные с 10 дв. 1 или 2.

Десятские, созывая, говорят:

— [Неразборчиво] *тохмалла*.

[Неразборчиво] Идут чув. с охотой. Читают. На сходе [неразборчиво], что [неразборчиво] — умерли. (Два последних приходится делать справки в метрических книгах). [Неразборчиво] В октябре (в Ядр. у.) увозят всех парней на жеребьевку. [Неразборчиво] Вынул жребий и попал в число солдат. А однодеревенцы, к-ые остались по жеребьевке, угощают его. Здесь же те, которые думают уехать в солд., учатся песням и мотивам солд. песен. [Неразборчиво] Дома не сидят. [Неразборчиво] Дома у него собираются парни, девушки. [Неразборчиво] [160]

Утешают:

— *Салтака кайман сын мён вӑл? Ухмах тунката. Салтака каять, сӑт санталӑк курса сӑрет, вырӑсла вӑренет. Турӑна Патшана юрать. Эпир, мужиксем, мён пӑлтӑпӑр, хамӑр анкартинче мён пуллине те пӑлместӑпӑр. Ан хуйхӑр, Торӑ парсан, килӑн. Вилӑм кирек аста та пӑрех. Эпир пурте вилӑмлӑ, сӑт санталӑк анчах вилӑмсӑр.*

И иными утешительными словами провожают рекрута. Каждый толковый человек старается высказать свое чистосердечное пожелание в лучших словах. Солдат, смотря по характеру своему, или больше плачет, или утешается мыслью о службе царю и Отечеству. Каждое прощальное слово солдата трогает до слез родных, знакомых и всех жителей. В день ухода или в прощальный день съезжаются в дом рекрута все родные, все однодеревенцы от мала до велика. Некоторые рекруты или новобранцы в этот день мало пьют, стараются быть в полном сознании, чтобы в последний раз на все посмотреть так, чтобы в голове осталось полное представление о домашнем. Бывают многие трогательные сцены, когда прощается, напр., молодой муж с молодой женой, с маленькими детьми, с родителями, с любимым конем. В глазах рекрута в этот день все немилое прежде становится милым. Только какие-нибудь непримиримые враги отсутствуют от торжественных проводов. Они бы, пожалуй, и пришли на прощанье, но стыдно им [смотреть] в глаза рекрута или же, наоборот, полны желаний всяких бед и приключений молодому человеку. Рекрут, если заме[161] чает отсутствие врагов своих, то иногда произносит пред всеми свое последнее обличительное слово по адресу их. Но, большею частью, старается при этом смягчить все неприятное для кого бы то ни было. Прощание происходит следующим образом: на стол кладут неначатый хлеб. На хлебе соль в солонке. Если

родные из чужих деревень приехали с гостинцами ([неразборчиво], сырец) и пивом, то ставят на стол несколько ведер с пивом разных хозяев в таком порядке: на правой стороне пиво [= ведро?] с хозяйским пивом, рядом хлеб с солью, затем пиво одного родственника и его гостинцы, затем пиво другого гостя и т.д. Этот порядок не всегда и не везде соблюдается. Большею часть. Все бывает в таком порядке: на одном конце стола хлеб и соль. Тут же гостинцы. На другом конце пиво. Затем начинается ряд молений о покровительстве рекрута. Начинается так: рекрут берет неначатый хлеб и со слезами на глазах молится один, а другие в это время сидят, допивая пиво, принесенное раньше, или же занимаются разговором.

Рекрут молится про себя и недолго, говоря, приблизительно, так:

— *Эй, Торă, халиччен мана лайăх, таса усрарăн, мăн ăкăрна усрарăн; малалла та, Торă, чипер, лайăх усра, киле-çорта каялла килме пар; ыра мăн Торă, мăн ăкăрна таса усра, сана мăн ăкăрна асанатăн, çулта-йёрте сыхла мана, Торă,* — и т.д.

Помолившись таким образом, он разрезает хлеб на тонкие слои, а краюшку [т.е. горбушку], довольно большую, берет и целует, затем кладет ее на солоницу [162]. На все эти ломти кладет соли и раздает находящимся в избе; те отламывают по кусочку от этих ломтей и держат в руках, дожидаясь окончания раздачи. Когда все получают по кусочку, тогда все разом встают на молитву. (Еще раньше, когда рекрут берет хлеб для молитвы, пред иконою зажигают свечу. Впрочем, свеча в день отъезда рекрута с утра горит в богатых домах. Иногда пред началом молитвы рекрут сам зажигает свечу, тоже молясь про себя). Во время всеобщей молитвы молитвенные слова произносят все находящиеся в избе — и мужчины, и женщины — вслух каждый по своему разумению. В то же время задние следят, когда окончат молитву стоящие впереди. Молятся долго и усердно. Конечно, все домашние рекрута более чувствительные, во время молитвы плачут навзрыд. Трудно разобрать смысл молитвенных слов, так как [неразборчиво], что многие из домашних, в особенности отец и мать рекрута, чтобы не убиты горем, упиваются чрезчур пьяно, чтобы, так сказать, не чувствовать горя. Поэтому во время молитвы произносятся часто совершенно бессвязные слова.

— *Ну... ёнтё... Торă... çитёнтерме пёлтён, Патишана та юравля ту. Торă, Торă, каялла çавар тирён çак ачана... лайăх нуранма пар, ну, ...ачам, кайранăс, эх, Торă, ну, мён тавас ёнтё... макăр ёнтё, юлтăмăр çав...*

По окончании [163] молитвы съедают кусочки. Название этого хлеба: *кёлё ăкăри, асаннă ăкăр*. Затем черпают по ковшику пива и также молятся. По окончании молитвы подходят к сосуду с пивом и крестообразно или как попало, только три плеска понемногу сливают с ковшов обратно в сосуд.

Сливают немного, говоря:

— *Сăра перекечё — кёрекене, çакă ырни — каякан ачана.*

Оставшееся в ковше пиво каждый выпивает, но не до дна. Рекрут допивает дважды, так что каждый выпивает в общем три ковша. Затем без молитвы, а иногда и с молитвой пробуют пива гостей. Палишки с сырцом раздают солдатам всем находящимся в избе. При этом особой молитвы не бывает, по крайней мере, в нашей деревне не в обычае. Эти гостинцы потом даются на дорогу как самому рекруту, так и его провожатым.

Раньше я забыл сказать, что все подарки, поднесенные рекруту в разных домах, тщательно оберегаются. Подарки в виде холста употребляются на солдатские рубашки, которыми богатые родственники запасаются по несколько штук, чтобы на службе новобранец не нуждался. Нужно заметить, что когда разезжается по знакомым и родственникам, тогда эти последние дают ему на прощание или денег, или холста не менее 1 аршина, или ниток для шитья рубашек, или вместе и того, и другого [164].

Затем наступило уже время прощания. В своих песнях солдат давно избразил уже трогательную картину этого момента. Теперь он, как невеста, повторяет пропетые не раз песни. В этих песнях выражает он все свои наплывшие чувства. Конечно, бывает и так, что старания матери, заботящейся о том, чтобы сын ее ушел не голодным, а сытым, иной раз делают рекрута до бесчувствия пьяным... После каждой песни целовался с мальчиками, дарил их семечками, орехами и говорил, что придет время, когда из них многие уйдут на службу.

— *Халё ёнтё, —* говорил он, — *вёренсе йолър, ситёнсен эсир те Тор та Патшана йораллэ полър, — тет. — Эсир те сашлах асу-ануё суртёнчен сашлах уйъралса каймалла пултър.*

Как услышат это мальчики, так все зарыдают. Плач заражает всех девчат и чувствительных женщин. Плачут и малые, и большие. Стал рекрут прощаться: упал на [165] плечи... отца-старика, который от слез едва ли видел сына, хотя было сильное желание посмотреть в последний раз. Долго о чем-то говорил сын отцу, не меняя своего положения, а он в это время был в объятиях отца и отец в объятиях сына. Такая же картина повторилась несколько раз, когда рекрут прощался с матерью, с сестрами и братом. Затем со всеми однодеревенцами перецеловался и начал одеваться в дорогу. То и дело подносили вина и пива.

Мать говорила:

— *Ёсех, улám, сўренё сёрте ёсессў те килё, сияссу та килё, анчах никам та ни ёсех тесе каламё, ни сях тесе каламё.*

И горько... горько плакала мать. Отец налил ковш пива и, сделав *тав* сыну, выпил сам. Потом налил опять пива в ковш и протянул руку к сыну. Вдруг ковш выпал из рук на пол и опрокинулся вверх дном.

Отец махнул рукой и с горечью проговорил:

— *Ну мён пулсан та пулё, ну мён пулсан та пулё. Торǎ хута кёр.*

Затем все встали на молитву. Рекрут и его родители, а также и те, которые, должно быть, очень любили его, сделали по три земных поклона и еще раз перецеловались.

Затем рекрут плача выбежал на двор и там посреди двора сдел[ал] три земных поклона, говоря:

— *Ырǎ кил-сұрта ырǎ кил-сұрт, паянхи кон тохса [166] каятǎп. Эй Торǎ, Торǎ, мёнле те полсан каяла киле савǎр мана. Торǎ, чипер кон-сол пар, Тор та Патша ёсне туса татма пар, сак кил-сұртран ан уйǎр. Тепёр пилёк солтан сак ырǎ сёр-шыва курма пар, Торǎ...*

В конце молитвы рекрут прямо упал на землю, и его подняли родные и знакомые, которые всячески старались успокоить его. Ввели его под руку в избу, где, посидев на лавке, встал и, помолившись на икону, тихо вышел. За ним хлынула из избы вся многочисленная толпа народа. На дворе собрались люди со всей деревни.

Здесь рекрут пропел песню:

*Ялǎм-йышǎм кил тулли,
Пурте мана пǎхаçсё.
Ах, ан ятлǎр, ваттисем,
Ах, ан ятлǎр, сарǎксем,
Ах, ан ятлǎр, тǎвансем,
Пурте мана ыр сунǎр.
Атти, манишǎн ан макǎр,
Сана валли шǎллǎм пур,
Апи, манишǎн ан макǎр,
Сана валли йǎмǎк пур.*

В подобных же словах простился со всеми. Все подходили к нему и целовались с ним. [167] Он стоял на саях. Лошади покорно стояли и, видимо, тоже чувствовали по-своему... Затем лошади тронулись. Солдат обернулся назад и, стоя, пел песни. Желтый и белый платки в обеих руках рекрута развевались по обеим сторонам. Лошади медленно шли шагом и проходили мимо изб, заборов, деревьев. Все это бросалось в глаза солдату, и он воспевал. И сам рекрут, и провожающий его народ не надевал шапок, а все время до окончания проводов были с открытыми головами. Кругом народ шел и провожал своего человека. Выезжая из полевых ворот, солдат крестился. Народ все шел и шел за солдатом. Он уже еще более чувствовал наступающее одиночество при виде полей. Доехав до загона, который принадлежал ему и его родителям, он сильно заплакал. Здесь остановили лошадей. Рекрут слез с саней и стал прощаться с родной землей. Народу! Народу было!.. со всей деревни. Рекрут вместе с родными и знакомыми выпил три рюмки вина и три ковши пива.

Затем обратился к загону и воскликнул:

— *Брă сёр-шу, мана хунтан ан уйър, тепёр пилёк сұлтан каллех сан патна суха пуспе, урапа [168] тулли ыраша килме пар.* — Затем обратился к востоку и на коленях помолился Богу, говоря: — *Торă, мана лайăх осра, сак соротнă сёр-шуран ан уйър мана. Эпё килччен те пулсан самана лăпкă усра, пур саканта тăракан халăх кăмăлешён мана сак сёр-шыва савър, Торă...*

Затем упал ниц и поцеловал родную землю. Его подняли и посадили на сани. Есть в нашей деревне обычай или поверие, по которому рекрут при прощании с землей не должен сам подниматься и вставать на ноги, если он встал на землю на колени. Иначе, говорят, земля не возвращает того человека на родину. Поднятие его с родной земли другими людьми означает, что его только по смерти на родной земле возьмут добрые люди и понесут хоронить на той же земле.

Чуваши говорят:

— *Сапла тунине ытарлă* (иносказательно) *пелес пулать.*

Затем народ стал возвра[169]щаться домой. Рекрут обернулся назад и все смотрел на свою остающуюся деревню, людей и на все. Он спокойно сидел на санях и удалялся к западному горизонту. Еще версты две, три — и он не увидит больше родной деревни Сесьмерь.

Давеча упомянул, что упал из рук отца ковш с пивом. Это многих заинтересовало, навело на разные толки. Каждый объяснял по-своему. Падение ковша из руки при последнем прощании отец понял так, что начнется, де, война, убьют моего сына на войне. Объяснение это было, в общем, согласно с общим мнением, и все согласились с ним. Прослужил этот человек на службе месяцев девять и захворал чахоткой. К исходу одного года вернулся домой и через несколько месяцев покинул здешний мир.

Чуваши суеверные говорили:

— *Хайхи курка сёре укни чăнах Козьма вилессине пелтерчё. Мăнтарăн, лайăх пулас мари катаранах курăнать. Торах кăтартать пуль, урах кам тата; халё вăсам ёлэкхи чăваши йăллине пăрахнă, ыръсла пуранассё — савă юрамарё пуль [170].*

Источник: № 144: Никольский Н.В. История. Лингвистика. Этнография. Фольклор. 1904–1915 гг. 412 с.

Таким образом, даже малая часть публикуемых текстов из научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук иллюстрирует их оригинальность и то, как они передают дух своего времени. Главное — приводимые тексты записаны носителями традиционной культуры, отражают взгляд изнутри. Публикация материалов из этого архива является актуальной задачей для историко-филологической науки.

Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность Президиуму РАН, руководству Историко-филологического отделения РАН, дирекции ЧГИГН, а также заведующей научным архивом ЧГИГН Г.Г. Николаевой за содействие.

Источники

- Ашмарин Н.И.* Археология. Этнография. Фольклор // ЧГИГН. Ед. хр. № 21. 1895–1943 г. 611 с.
- Никольский Н.В. История. Лингвистика. Этнография. Фольклор // ЧГИГН. Ед. хр. № 144. 1904–1915 гг. 412 с.
- Никольский Н.В.* Этнография // ЧГИГН. Ед. хр. № 150. 1895–1919 гг. 590 с.
- Никольский Н.В.* Этнография // ЧГИГН. Ед. хр. № 151. 1887–1905 гг. 355 с.
- Никольский Н.В.* Этнография, фольклор // ЧГИГН. Ед. хр. № 154. 1892–1905 гг. 405 с.
- Никольский Н.В.* Этнография, фольклор // ЧГИГН. Ед. хр. № 204. 1909–1911 гг. 348 с.
- Никольский Н.В.* Этнография, фольклор // ЧГИГН. Ед. хр. № 208. 1910–1911 гг. 580 с.
- [*Петров М.П.*]. Чăвашсем (этнографический очерк) // ЧГИГН. Ед. хр. № 31. 1881 г. 77 с.
- СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Ед. хр. № 9. Андерсон В.Н. Письма к С.Ф. Ольденбургу. 1913–1921 гг. 7 л.
- Этнография, фольклор, переводы // ЧГИГН. Ед. хр. № 72. 1926–1930 гг. 437 с.

Библиография

- Александров 2005 — Рукописный фонд Н.В. Никольского: Путеводитель / Сост. Г.А. Александров. Чебоксары: ЧГИГН, 2005.
- Андерсон В.А.* Роман Апулея и народная сказка. Казань: Имп. ун-т, 1914. Т. 1.
- Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Наркомпрос ЧАССР, 1934. Вып. VI.
- Anderson W.N.* // Lares. Roma, 1914. Vol. III. Fasc. II–III. P. 237–240.
- Anderson W.* Die Meleagrossage bei der Tschuwaschen // Philologus. Leipzig, 1914a. Bd. LXXIII. Hef 1. P. 159–160.
- Anderson W.* Tschuwaschische Sagen vom Igel als Ratgeber // Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Berlin, 1914b. 24. S. 312–315.